



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 891.73

Смысл и значение композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

¹ Кианибарфоруши Хода Хассан

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья содержит углублённый анализ семантических пропусков, наблюдаемых в композиции знаменитого романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В процессе исследования выясняется, что эти пропуски, являясь недостающими фрагментами текста, воспринимаются читателями как нечто большее. Они не просто пустоты, а настоящие пробелы, требующие особого внимания и усилий со стороны читателя для заполнения недостающих частей. Кроме того, рассматриваемые пропуски в произведении образуют обширное семантическое поле, значительно обогащающее художественный текст и богатящие значение романа в целом. Тексты наполняются новыми смысловыми акцентами, основывающимися на заданных читателю высших требованиях к активному осмыслиению и эстетической активности. Во введении обоснована актуальность анализа пропусков как художественного приёма, формирующего семантическое поле и вовлекающего читателя в активную интерпретацию. Цель работы — раскрыть роль пропусков в архитектонике романа и их влияние на смысловую многогранность текста. Методы исследования включают сравнительный анализ редакций романа, структурно-семантический разбор пропущенных фрагментов, а также привлечение историко-литературного контекста (критика XIX-XX вв., работы Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Чумакова, М.Н. Виролайнен). Особое внимание уделено «стяжению смыслов» — приёму, связывающему разрозненные строфы в единое семантическое целое. Результаты демонстрируют, что пропуски в тексте не являются случайными: они выполняют функцию «смысловых вакуумов», активизирующих читательское воображение. На примере третьей главы показано, как отсутствие фрагментов создаёт динамику повествования, подчёркивает внутренние конфликты героев (например, противоречия в отношениях Онегина и Татьяны) и усиливает рефлексивный характер романа. Установлено, что эволюция пропусков в редакциях 1828-1837 гг. отражает авторский замысел превратить текст в «открытое произведение», где читатель выступает соавтором. В обсуждении подчёркивается, что пропуски в «Евгении Онегине» — сознательный приём, унаследованный от романтической традиции, но переосмысленный Пушкиным. Они формируют диалог между текстом и читателем, обнажая процесс творчества и делая роман «поэзией в становлении». Анализ подтверждает, что фрагментарность структуры не нарушает целостности произведения, а, напротив, обогащает его философско-эстетическое содержание.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, роман «Евгений Онегин», композиция, содержание, проблемы, идеи, жанр, стиль, философия, поэзия, сюжет, персонажи, образы

Для цитирования: Кианибарфоруши Хода Хассан Смысл и значение композиционных пропусков в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Современный ученый. 2025. № 4. С. 99 – 104.

Поступила в редакцию: 26 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The meaning and significance of compositional omissions in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"

¹ Kianibarforushi Hoda Hassan

¹ Russian University of People's Friendship

Abstract: the article contains an in-depth analysis of the semantic omissions observed in the composition of A.S. Pushkin's famous novel "Eugene Onegin". The research reveals that these omissions, being missing fragments of the text, are perceived by readers as something more. They are not merely empty spaces, but actual gaps that require special attention and effort from the reader to fill in the missing parts. Moreover, the omissions examined in the work form an extensive semantic field that significantly enriches the artistic text and the overall meaning of the novel. The texts are imbued with new semantic accents based on the higher demands imposed on the reader for active interpretation and aesthetic engagement. The introduction justifies the relevance of analyzing omissions as an artistic device that shapes the semantic field and involves the reader in active interpretation. The aim of the study is to reveal the role of omissions in the architectonics of the novel and their impact on the text's multifaceted meaning. The research methods include a comparative analysis of the novel's editions, a structural-semantic dissection of the omitted fragments, as well as incorporating the historical-literary context (including criticism from the 19th–20th centuries, works by Yu.M. Lotman, Yu.N. Chumakov, M.N. Virolyainen). Special attention is given to the "contraction of meanings"—a technique that links disparate stanzas into a unified semantic whole. The results demonstrate that the omissions in the text are not random: they function as "semantic vacuums" that activate the reader's imagination. Using the example of the third chapter, it is shown how the absence of fragments creates a dynamic narrative, emphasizes the internal conflicts of the characters (for instance, the contradictions in Onegin's and Tatyana's relationship), and enhances the reflective nature of the novel. It is established that the evolution of the omissions in the editions from 1828–1837 reflects the author's intention to transform the text into an "open work" in which the reader acts as a co-author. In the discussion, it is emphasized that the omissions in "Eugene Onegin" are a deliberate device inherited from the Romantic tradition, but reinterpreted by Pushkin. They form a dialogue between the text and the reader, revealing the creative process and rendering the novel "poetry in the making". The analysis confirms that the fragmentary structure does not undermine the integrity of the work; on the contrary, it enriches its philosophical and aesthetic content.

Keywords: A.S. Pushkin, novel "Eugene Onegin", composition, content, problems, ideas, genre, style, philosophy, poetry, plot, characters, images

For citation: Kianibarforushi Hoda Hassan The meaning and significance of compositional omissions in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Modern Scientist. 2025. 4. P. 99 – 104.

The article was submitted: November 26, 2024; Approved after reviewing: January 28, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Композиционное строение «Евгения Онегина» А.С. Пушкина имеет особенность, отчетливо выраженную в наличии пропусков отдельных строф и стихотворных конструкций [2]. Творческий прием, по мнению многих современников, был недостатком, что и получило свое отражение в критике. Так, П.А. Катенин охарактеризовал указанные пропуски как неудачное подражание Дж. Байрону [1].

Исследователи Пушкина начала XX века стремились реконструировать целостность романа, устранив композиционные недостатки, включая «Евгения Онегина» в традицию «завершенного» романа, хотя обращения к

пробелам читатели давно интуитивно заполняли – в этом смысле наиболее показалось бы обнаженное конструктивное исследование Л.М. Гофмана 1922 года, который даже предлагал использовать недостающие фрагменты в комментарии к тексту [4].

В формалистической критике (напр., В.Б. Шкловского, Ю.Н. Тынянова) пропуски трактовались как осознанный прием автора, не нарушающий сюжетной целостности [18]. Классической пушкинистикой, представленной Ю.М. Лотманом, акцентировалась структура произведения – проблематика фрагментарности отодвигалась «на второй план». В современных работах Ю.Н. Чумакова, М.Н. Виролайнена акцент

на молчании открывает новые перспективы поэтики А.С. Пушкина [17, 2].

Следует специальным образом проследить значимость композиционных пробелов в структуре романа А.С. Пушкина. Это осознанный прием, который требует анализа с точки зрения архитектоники и поэтики романа. В творчестве А.С. Пушкина пропуски как художественный прием начинают отчетливо проявляться в качестве романтической фрагментарности (на примере «Бахчисарайского фонтана»), переосмысленной в «Евгении Онегине». Они создают зримость незавершенности, фрагментарности с новой поэтикой, поднимающей на ином уровне вопросы функции и семантики невербальных компонентов.

Материалы и методы исследований

Неоспоримо, что романтики порой умело использовали загадки невыразимого, привлеченные этой элегантной загадочностью. В «Евгении Онегине» Пушкина, в частности, осознается нечто подобное: переключение на читателя – «в лучшем случае, соавтора». Явление, о котором идет речь, представляет собой неполный текст, в частности, части его строф, каждая из которых может быть представлена не одной строкой, что очень близко к тому, что И.С. Тургенев вколов себе в голову под именем «стяжение смыслов» [3]. Например, в главах третьей и восьмой количество строф с толкованием смыслов, которые далеко не всегда как-то совпадают, очень велико, такие строфы даже можно было бы выделить отдельными поэтическими строками, поскольку форма строфы организована с точки зрения рифм. В каждой из трех строф строфической структуры строфы, состоящей из двойного или тройного звучания с обособлением одного, двух, трех или четырех несогласованных с рифмами двухстиший, можно найти соответствующее правило модуляции. Так же как в сонете четко определяются три этапа: завязка, climax, resolution. Струфа имеет определенную формально-содержательную функцию (в качестве «зеркала» к той же «очереди»), и пропуск одного звукового элемента создает четкий смысловой «вакуум» на уровне семантики [16].

Посмотрим на примере пропусков в стихах в третьей главе:

Выехав из столицы, поэт сразу попал в то радостное слаженное веселье, о котором так щадяще вспоминал на старости лет. И не мудрено, что, заждавшись угощений, юные радостные ребята дружно подали осторожный сигнал, не или фигурами, а лишь яркими фрагментами, обилием бесчисленных угощений, что на столах стояли фейерверки белоснежных кувшинов с наливками,

в которое ливень млечной брусничной воды. В этот момент волнение похвалы обволакивало Татьяну – молодую полную душу. Она ждала Онегина с нетерпением, и, как у всякой ранимой натуры, мнимый покой подчинялся бурным переживаниям. Поэтому, несмотря на охлобы, в которые накинулись случайные приятели и крепкие объятия ребят, она тосковала и томила ее досуга.

В этом отношении Татьяна отразила характер Онегина; его чувства здесь сжаты, как бы предвещая неравноправие в их отношениях. Словом, особенность лирики Онегина в том, что он с ней одноразов. У него не существует общего с нею – хотя бы в том и проявлении, что интонация, сочиненная ею, ощущается как разрезание поэтического дна, которому она подчинена. Чувства Его, как приписные, оставляют односложные, пустые строки. Поэтому в этом приспособлении и том цельных строк Вершины поэмы, это особая изюминка, создающая простую позу – иллюзия, единства, но одна такая «сила» строк Начиняя.

«Боюсь: брусничная вода // Мне не наделала б вреда» [12].

Это мочегонное питие не только звучит у Ларина странно для угождения, но и растворяется в том стремительном движении, с которым Онегин с Ленским продвигаются:

«Они дорогой самой краткой // Домой летят во весь опор» [13].

Результаты и обсуждения

Два пустых места, обозначенных в тексте знаками «...», вносящими отдельные отрезки в композиционный уровень описанного повествования, служат связующим звеном временного разрыва между «болтовней» автора и развитием сюжета. Пропуски между линиями XXXIX, ХЬ и ХЬ1 первой главы следует считать внешними для внутренности Онегина, высвечивающими её. Следует отметить, что во всей архитектонике произведения пропуска являются необходимым структурным элементом.

«Ничто не трогало его, // Не замечал он ничего» [14],

– разнообразными ритмами чередовать уровень синтаксиса? Например, – что верно и по поводу – как и – на чем пишу – о движении через тиски частица и предлог разного порядка синтаксиса.

Однако для поэтического произведения характерно то, что каждое отдельное слово стянуто в протяженную, долготеченую, бесконечную строку и в каждой линии образуется один единственный стягиватель – одна и та же строфа,

как бы ни представлялась она с отклонением от одинаково бесконечного содержания [11].

Как бы там ни было, сознание закрыто от внешней среды, как бы там ни было, стягиватель – это я.

Строка без другого слова, – это я.

Так бывает, что какую бы маску мы на себя не натянули, внутри-то остаемся теми же, как и во все времена. Мы все же продолжаем верить в близость людей, даже если иногда они попадают в ловушку мирских зол и тщеславия. И вот, со стороны, как кто-то любит нас, а мы оказываемся наедине с собой и мечтаем, чтобы хотя бы кто-то был с нами. Эти переживания побуждают нас не только оставаться открытыми к любви других, но и учить нас безмолвно ставить себя и других людей в их исторические синхронизации [8].

Слова, в которых мы высказываем свои мысли, на самом деле не могут передать полное содержание происходящего [5]. Часто слова бывают только неким условным обозначением тех чувств, которые мы на самом деле ощущаем, но выразить не можем. Поэтому, читаемые нами тексты, заполненные пестрым чередованием слов, неродных для наших ушей, зачастую служат лишь вспомогательным средством, поддерживающим нас в необходимом состоянии [9].

Для лучшего понимания идеи любви автор пишет в проблемном ключе. Каждая глава имеет свое предназначение; каждая строфа пробуждает нечто различное, важное для уразумения проблемы привязанности. Здесь мы наглядно видим результат стремления автора к простоте в добавок к многослойности мысли.

«Чем меньше женщину мы любим, // Тем легче нравимся мы ей» [14].

В заключение следует отметить, что художественное произведение приводит к бесконечным интерпретациям и приковывает внимание читателя на протяжении веков. Произведение затрагивает внутреннюю жизнь людей и хранит тайны судьбы. Читая строки этого романа, понимаешь, что нас в первую очередь интересует сам процесс письма, сама работа над текстом [7].

Тема любви имеет значимое место в романе, но под ее покровом раскрываются отношения людей, которые в эту тему вплетены. Автор на примере Онегина и Татьяны показывает, как философия любви может пронзить сердечный мир и определить стиль жизни.

С особенной чувствительностью изображен деревенский быт и новая жизнь Лариных в Москве. Описывая утро Онегина, Пушкин ссылается на утреннюю главу первого описания

спб. Онегин – эпигон петербургского дня, поэтому его жизнь в деревне выглядит как игра, а не как реальность [6].

Роман функционирует не просто как объект для анализа, но как смысловая реальность, в которой каждая деталь служит средством высказывания важной мысли. Каждый авторский выбор, каждая интонация, каждая стилистическая находка – это шаг в создании литературного произведения, и поэтому каждая публикация романа является этапом его творческого пути. В конце концов, «Евгений Онегин» можно рассматривать не только как художественное произведение, но и как осмысленный процесс создания, как уникальный опыт поэтического творчества на наших глазах. Таким образом, в процессе работы над романом автор на протяжении шести лет не покидал мыслей об Онегине. Он все более углублялся в изучение своего героя, раскрыл перед читателем необытные горизонты содержания. И завершил роман в зрелом возрасте, когда имел полное право на такое открытие [10].

Версии произведения, начиная с конца 1820-х, закрепляют концепцию «стяжения». Он присутствует в судебной шестой главе: прием стяжения смыслов объединяет XV, XVI и XVII строфы. В первой редакции главы (1828 г.) автор выделяет XV и XVI как образцы композиционного пропуска; XVII как «самостоятельную единицу». В 1833 г. и в последующих редакциях эти строфы переосмысливаются, переводятся в другое единство [15] и привязываются к ним на смысловом уровне.

Увеличение пропусков и семантическая усложненность их содержания в полных редакциях «Евгения Онегина» связано с особенностями его публикации. Читатели знакомятся с отдельными главами эпопеи. Прием «стяжения смыслов» здесь выступает в пользу передачи содержания этой главе без привязки к всему произведению, создающего фрагментарное, недосказанное восприятие. На начала романа акцент был на хронологических и смысловых связях сюжета. В полной версии «Евгения Онегина» наблюдается рост количества текстовых «лакун», что активизирует читателя: отточия вовлекают его в процесс интерпретации, т.е. заполнения пропущенных элементов смысла, семантизации пропусков.

Выводы

В романе «Евгений Онегин» центральные конфликты сосредоточены вокруг любовной интриги и творческого процесса, делая его многослойным произведением. Любовь здесь выступает как загадочное и сложно объяснимое чувство, подчеркивающее внутренний конфликт

героя: «Но я, любя, был глуп и нем» [8]. Важную роль в раскрытии замыслов автора играют пропуски, которые формируют диалог с читателем и отражают эволюцию литературной идеи. Систематизация строф с помощью числовых обозначений способствует углублению смысл-

лового восприятия текста, создавая «рефлексивный пласт» – своеобразный семантический мост между прошлым и будущим сюжета. Это не только выявляет внутренние связи произведения, но и обогащает его композиционную структуру, придавая ей многогранность.

Список источников

1. Афанасьева Э.М. Творческая рефлексия в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина и «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Афанасьева Э.М. Феномен книги в художественном мире М.Ю. Лермонтова. Кемерово, 2007. С. 65 – 71.
2. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. Санкт-Петербург, 2003. 328 с.
3. Гаспаров М.Л. Русская поэзия 1890-1925 годов: комментарии. Москва, 1993. 272 с.
4. Гофман Л.М. Строки «Евгения Онегина», которые были упущены // Пушкин и его современники: исследования и материалы. Санкт-Петербург, 1922. Вып. 33/35. С. 1 – 328.
5. Данаев М.Ф. Онегинская строфа // Содержательная поэтика. М., 1938. Т. 1. С. 270 – 275.
6. Кланин Л.Г. Воспоминания о Пушкине // Писатели России. М., 1979. Т. 2. С. 143 – 145.
7. Михайлов В.Н. О поэте: Поэтика. М., 1990. С. 15 – 31.
8. Шугуров А.И. О русском языке // Русский язык и литературное творчество. М., 1980. С. 40 – 59.
9. Лотман Ю.М. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: Комментарий. Л.: Наука, 1983. 416 с.
10. Лотман Ю.М. Поэтика «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. Вып. 18. С. 5 – 32.
11. Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937-1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937. С. 1 – 205.
12. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. IV и V. СПб, 1828. 120 с.
13. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. VI. СПб, 1828. 96 с.
14. Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб, 1833. 320 с.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб, 1837. 336 с.
16. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика, история литературы, кино. М., 1977. С. 57 – 77.
17. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. Санкт-Петербург, 1999. 256 с.
18. Шкловский В. Б. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 199 – 220.

References

1. Afanasyeva E.M. Creative reflection in "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin and "A Hero of Our Time" by M.Yu. Lermontov. Afanasyeva E.M. The phenomenon of the book in the artistic world of M.Yu. Lermontov. Kemerovo, 2007. P. 65 – 71.
2. Virolaynen M.N. Speech and silence: Plots and myths of Russian literature. St. Petersburg, 2003. 328 p.
3. Gasparov M.L. Russian poetry of the 1890-1925s: comments. Moscow, 1993. 272 p.
4. Hoffman L.M. Stanzas of "Eugene Onegin" that were missed. Pushkin and his contemporaries: research and materials. St. Petersburg, 1922. Issue. 33/35. P. 1 – 328.
5. Danaev M.F. Onegin stanza. Meaningful poetics. M., 1938. T. 1. P. 270 – 275.
6. Klanin L.G. Memories of Pushkin. Writers of Russia. M., 1979. T. 2. P. 143 – 145.
7. Mikhailov V.N. About the poet: Poetics. M., 1990. P. 15 – 31.
8. Shugurov A.I. About the Russian language. Russian language and literary creativity. M., 1980. P. 40 – 59.
9. Lotman Yu.M. "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin: Commentary. L.: Nauka, 1983. 416 p.
10. Lotman Yu.M. Poetics of "Eugene Onegin". Works on Russian and Slavic philology. IX. Literary studies. Tartu, 1966. Vol. 18. P. 5 – 32.
11. Pushkin A.S. Eugene Onegin: a novel in verse. Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes. M.; L., 1937-1959. T. 6. Evgeny Onegin. 1937. P. 1 – 205.
12. Pushkin A.S. Evgeny Onegin. Ch. IV and V. St. Petersburg, 1828. 120 p.
13. Pushkin A.S. Evgeny Onegin. Ch. VI. St. Petersburg, 1828. 96 p.
14. Pushkin A.S. Eugene Onegin. St. Petersburg, 1833. 320 p.

15. Pushkin A.S. Eugene Onegin. St. Petersburg, 1837. 336 p.
16. Tynyanov Yu.N. On the composition of "Eugene Onegin". Tynyanov Yu.N. Poetics, history of literature, cinema. Moscow, 1977. P. 57 – 77.
17. Chumakov Yu.N. Poetic poetics of Pushkin. St. Petersburg, 1999. 256 p.
18. Shklovsky V.B. Eugene Onegin (Pushkin and Stern). Essays on the poetics of Pushkin. Berlin, 1923. P. 199 – 220.

Информация об авторе

Кианибарфоруши Хода Хассан, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, hoda.kiani20@gmail.com

© Кианибарфоруши Хода Хассан, 2025